

ИРИНА КОВАЛЕВА

РУССКИЙ
ГУЛЛИВЕР

СТИХОТВОРЕНИЯ 1977 – 2007

Ирина Ковалева

Стихотворения 1977-2007

НП «Центр современной литературы»

Ковалева И.

Стихотворения 1977-2007 / И. Ковалева — НП «Центр современной литературы»,

ISBN 978-5-91627-055-6

Мне показалось важным включить несколько ранних стихотворений 1977–1979 гг., потому что, при всей незрелости голоса, этот голос был вполне свободен от определяющих влияний Мандельштама и Ольги Седаковой, с поэзией которых я познакомилась в 1980 г., и Бродского, которого я прочитала в конце 1980-х. Может быть, потом я всю жизнь «пробивалась» обратно к тому голосу сквозь мощные чужие – хотя и родные – голоса; не знаю, насколько мне это удалось. Судить об этом – читателю. Стихотворения расположены не по тематическому, а по хронологическому принципу, но там, где более поздние стихи включены в более ранние разделы, это не случайность.

ISBN 978-5-91627-055-6

© Ковалева И.
© НП «Центр современной
литературы»

Содержание

Ранние стихи	8
«я шла с охапкой роз по плоскостям...»	8
«Октябрем испытают: сойду ли с ума...»	10
«В Москве выбрасывают ёлки...»	11
«Что ж, сердце! Хлеб твой сжат. Как полю, отдых нужен...»	12
Из цикла «Сквозь дождь»	13
«Легко и страшно ощутить...»	13
«“Дворники” расплющивают капли...»	13
Я заказываю картину	14
«Я – замок каменный. Как патины, закат...»	15
«Пьяна и сухим и крепленным...»	16
«На траве зеленой, влажной, длинной...»	17
«Вдруг замерли дожди, как вздыбленные кони...»	18
«Эти старые зимние дачи...»	19
Сердцевина жизни	20
«Кого ты будишь, воздух влажный...»	20
«Что холодно, что дождь на желтом камне...»	21
«Во мне уютно голосам чужим...»	22
«До пятого акта закончилась пьеса...»	23
«Довольно надежды, довольно и нежности лживой...»	24
«Не поздно ли призрачный город покинуть...»	25
«Ну что ж, я не спорю, все будет, как хочешь...»	26
«Я даже представить себе не могу...»	27
Галантные празднества	28
«Так-то полынью и воском пролитым пропахли страницы...»	29
«А солнце садится за крыши, – и тело...»	30
При свече	31
«Ни плоти мраморной, прекрасной и безликой...»	32
«... А иногда случается, что я...»	33
«Знаю: ни края одежды, ни рук, ни ко лбу, ни губами...»	34
«И пепел сыплется с горячих крыльев птиц...»	35
«А если в ближней тьме нет никого за нами...»	36
«Возлюбленный, прости, но есть и мне свобода...»	37
«Мне кажется, что я их поняла...»	38
«Вот и август понятен по крупным последним цветам...»	39
«Пусть все это так. Но прозрачную руку...»	40
Монолог Федры	41
«...Времена...»	42
Souvenir	44
«Я знаю, что я не спрошу ни о чем...»	45
«И вот раздвигают картонные створки...»	46
«Прости меня, мне трудно говорить...»	47
Мистерия	48
«Не то, что здесь подумают; не только...»	50
«Это – в комнате нарядной...»	51
«Душистый хмель февральского тепла...»	52

Вторая тетрадь	53
«От жалобы не легче: на губах...»	53
«Так платит судьба аккуратную пеню...»	54
«Доколе ты жив, и тебя не оставит отчаянье...»	55
«В начале (прости – я не чаяла, что и начало...»	56
Колыбельная	57
Палинодия	58
«Только утром гроза перестала...»	59
«Разлилась ледяная волна...»	60
Сон	61
«Как ветки ломают – дыхание рвется...»	63
«Туман заструился в осоке болотной...»	64
«Что́, душа моя, ты в печали зряшной...»	65
«...И в памяти (в беспамятстве: во мраке)...»	66
Разрыв	67
Вигилия вторая	68
«Я заблудился на краю земли...»	69
Разговор	70
’Еλωδῆ’б	71
«Я лучше чужим, осторожным...»	72
«Не знаю, не ведаю, что́ сказать...»	73
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Ирина Ковалева **Стихотворения 1977–2007**

Книга выходит так, как она была составлена

Ириной Ковалевой накануне смерти

Мне показалось важным включить несколько ранних стихотворений 1977–1979 гг., потому что, при всей незрелости голоса, этот голос был вполне свободен от определяющих влияний Мандельштама и Ольги Седаковой, с поэзией которых я познакомилась в 1980 г., и Бродского, которого я прочитала в конце 1980-х. Может быть, потом я всю жизнь «пробивалась» обратно к тому голосу сквозь мощные чужие – хотя и родные – голоса; не знаю, насколько мне это удалось. Судить об этом – читателю.

Стихотворения расположены не по тематическому, а по хронологическому принципу, но там, где более поздние стихи включены в более ранние разделы, это не случайность

Ранние стихи (1977–1979)

«я шла с охапкой роз по плоскостям...»

я шла с охапкой роз по плоскостям
и которые испуганно звенели
подходила к самому краю
касался их поверхности прозрачной
прямые параллельные летели
но были холодны к моим шагам
бездны и не глядя бросила
лучи белы как платье новобрачной
пространство-времени пронзая ток
туда все розы

1977

«Октябрем испытают: сойду ли с ума...»

Октябрем испытают: сойду ли с ума,
Если непоправимо и щедро
Догорает торжественная хохлома —
Желтым лесом по черному ветру.

В тишине умирания, в октябре,
Горек воздух, дожди непролазны...
Счастье жить на Земле ощущаю острее —
Так, как смертник в часы перед казнью.

А когда слишком стянет мне душу тоска
По невысказанным, уходящим, —
Ляжет снег милосердным ударом клинка —
Отпускающим, благоволящим...

1977

«В Москве выбрасывают ёлки...»

В Москве выбрасывают ёлки
В десятых числах января...
Печальные, как недомолвки,
Когда о боли говорят.

О старые актрисы чуда!
Им плоть разъел блестящий грим.
Их нынче выгнали оттуда,
Где прежде поклонялись им.

И хорошо, коли сожгут:
Вообразишь, по крайней мере,
Что это Жанны роль дают
В давно задуманной премьере!¹

1978

¹ Было напечатано в журнале «Студенческий меридиан» в 1980 г. Это была моя первая публикация, надолго (более чем на 20 лет) отвлечшая меня от идеи публикаций как таковых.

«Что ж, сердце! Хлеб твой сжат. Как полю, отдых нужен...»

Что ж, сердце! Хлеб твой сжат. Как полю, отдых нужен
Тебе. На год забудь страдания страду.
Стерня последних слов, не отвративших стужу,
Щетинится сквозь снег, которым я бреду.

И все завьюжит снег, чтоб грозно лемехами
Не рассекла любовь беспамятства покой.
Весной ты зарастешь ромашкой и стихами.
Их друг сорвет, еще не обретенный мной.

1978

Из цикла «Сквозь дождь»

«Легко и страшно ощутить...»

Легко и страшно ощутить
Непоправимую свободу,
Дождю неделю посвятить,
Благословляя непогоду.

Пусть будет дождь проводником
В смятении мыслей, слов и улиц...
Мой город лег черновиком,
И рифмы площадей коснулись.

«“Дворники” расплющивают капли...»

«Дворники» расплющивают капли.
Правый скребет по стеклу, левый – по сердцу.
Безумие затопило город.
Воздуха больше нет, и исчезло эхо.
И поникли
бледные рифмы
с горьковатым и терпким
запахом мокрой травы.
И на липком и сером
расплылись красные огни – их все больше.
Безнадежна тревога.
Безнадежна любовь.
Безнадежен разум.
Только безумие несется по городу, широко раскрыв
зеленые глаза.
Предадимся же пессимизму!
Его ироничный вкус весьма приятен
и подходит голым ветвям – поставим их в
одну вазу.
Будем смотреть, как все теряет форму,
и в нахлынувшем мраке
тебя достигнет мое слово: «Ободришь,
правда, ничто не блестит, когда нет солнца,
но радуга
может быть только в дождь».

1978

Я заказываю картину

Нарисуйте стройку
в той части города, где живу я.
Это не центр и не окраина,
самый забытый район;
однако здесь строят.
На первом плане
нарисуйте кустик травы, которую все знают,
но никто не знает ее по имени.
Она похожа на розу ветров
и на седую старую деву. Когда-то
мне называли ее странное, грубое имя,
но я не слишком этому верю.
Нарисуйте
ее отражение в куске
разбитого стекла, прислоненного к вагончику.
Пусть это будет гравюра, но передайте,
что низ вагончика – темно-красный, а верх —
грязно-желтый.
Нарисуйте все это так,
чтобы я поняла, почему от строек
так веет
запустением.

1979

«Я – за́мок каменный. Как патина, закат...»

Я – за́мок каменный. Как патина, закат
Лежит на мраморных потрескавшихся стенах
И оплетает дикий красный виноград
Решетки древних букв из чугунов отменных.

Я – город каменный, где горожане спят,
А чужаки шумят, и пьют в пустых тавернах,
И топчут улицы... Не кровь, но листопад
Течет, шурша, в моих отяжелевших венах.

Я – остров каменный. Густ воздух надо мной,
Мой берег выщерблен трудами океана,
И дышит горный кряж отравками тумана.

Я – каменный овал планеты неживой,
И мой кровавый блеск для суеверных мнений
Пророчит голод, мор и время потрясений.

1979

«Пьяна и сухим и крепленным...»

Пьяна и сухим и крепленным,
Я буду всю ночь танцевать,
Шутить над мальчишкой влюбленным
И шпилькою письма вскрывать,

Я буду являться незваной,
По мелочи всем ворожа,
Лить воду, соль сыпать на раны
И есть – по привычке – с ножа.

С волос поседевших на плечи
Цветастый платок уронив,
Пасьянс разложу я под вечер,
И будет мой вечер ленив...

Соседка, мой хлам разбирая,
Находку согреет рукой:
На яблоке – надпись витая:
«καὶ ἔσσεσθε ὡς περ Θεοί»².

1980

² «И будете как Боги [знающие добро и зло]».

«На траве зеленой, влажной, длинной...»

На траве зеленой, влажной, длинной
Воду льют в долбленный малахит.
Перейти осталось круг старинный,
Но озноб колени леденит.

Под улыбкой губы задрожали
Лепестками розы на ветру:
«Что стоишь? Не мы тебя позвали
И с тебя сорвали кожуру.

Опусти же взгляд неослепленный,
Тяжкой чашей по земле ударь».
Скачет вдаль на жеребце зеленом
С шумной свитой юный государь.

1980

«Вдруг замерли дожди, как вздыбленные кони...»

Вдруг замерли дожди, как вздыбленные кони,
И ветер вдаль прошел – дорожный плащ в пыли...
Деревья, изумясь, из трепетных ладоней
Роняют хрупкий груз листвы на грудь земли.

И лист разбившийся исходит ароматом
Тревожным и сухим, как плотный темный шелк.
От вопрошающих укрыт поступка толк,
И роскошь нищеты неведома богатым.

1980

«Эти старые зимние дачи...»

Эти старые зимние дачи.
С черных бревен стекает вода,
Доски накрест на окнах незрячих
И комком на земле – провода;

В доме – погреба запах зеленый,
Стулья, мыши, от пыли темно...
Этот мир из складного картона,
Эту ширму я спрятала, – но, —

Там, смилив распадаения силу,
Бродят (как их сюда занесло?)
Громче – скрипка: светло и уныло.
Тише – флейта. Та – только светло.

1980

Сердцевина жизни (1980–1983)

«Кого ты будишь, воздух влажный...»

Кого ты будишь, воздух влажный?
Я сплю, и цепи не звенят.
Мне снится город двухэтажный,
Цветущий персиковый сад...

И круглый пруд, и шум пирушки,
Вина не хватает – есть вода...
Как любопытство равнодушно
На час захавшей сюда!

Здесь речи пенятся, как реки,
А стороны обратной нет...
Мне сквозь неподнятые веки
Глаза тревожит жаркий свет.

1980

«Что холодно, что дождь на желтом камне...»

Что холодно, что дождь на желтом камне
Ознобом округлился и застыл,
Что звонкий камень мастера руками
В тысячелетний сложен монастырь;

Что белый сыр едят, нарезав крупно,
Горячие лепешки не соля,
Что даже осязанию доступно,
Как круто здесь замешена земля,

Что все-таки на дне – осадком – больно, —
Не тяжело; страшней, что нет тепла.
Как голуби, на старой колокольне
Ночуют и молчат колокола.

1980

«Во мне уютно голосам чужим...»

Во мне уютно голосам чужим
Аукаться, затеивая жмурки,
И прятаться по комнатам пустым,
Да ноготком писать по штукатурке:

«Я здесь была...» Ни подписей, ни дат...
Лишь иногда портрет карикатурный.
Огрызок яблока, египетский смарагд
И – все на ногу левую – котурны.

До срока пряжа у сестер прочна.
Скрипит станок, переплетая нити.
Как терпеливо ткёт плащи жена!
Муж далеко, и некому носить их,

Вот мне и дали; с радостью взяла:
Теперь зима длиннее с каждым годом.
Давно покрыты пылью зеркала,
И пестрый кот скучает перед входом.

1980

«До пятого акта закончилась пьеса...»

До пятого акта закончилась пьеса,
И веет недобрым от ближнего леса,
И рыжая кошка свернулась клубком,
На листьях лежит и не просится в дом.
 Так я, наконец, получила свободу;
 А в праздники пью не цикуту, не воду —
 На случай такой разверну полотно,
 Приправы в горячее брошу вино.
 И тмином — на горечь, и тленом — на горе;
 Пути твои в узел завяжутся вскоре;
 Душистой корой да перстью земной,
 Сушеной, толченой гадючьей спиной.

И ты не узнаешь, что будет со мной.

1980

«Довольно надежды, довольно и нежности лживой...»

Довольно надежды, довольно и нежности лживой,
Глаза отводить и небыющим сердцем лукавить.
Довольно ли силы не знать, что умершие живы,
На черном пороге горшочек с похлебкой не ставить?

Довольно ли зримо: чертеж мироздания печален?
Довольно ли горько? Устройство его справедливо.
Довольно ли влажной соломы? С рогами завален
Бессолнечный день в ноябре затяжном и дождливом.

Довольно ли вам? Музыкальную властную фразу,
Как светлую лестницу, тьме посвятив без опоры,
Оставил открытой немецкий расчетливый разум,
Но руки пусты, и чужие доспехи не впору.

1980

«Не поздно ли призрачный город покинуть...»

Не поздно ли призрачный город покинуть,
Покляться, что праздничный падает снег,
Порыв полонеза, плеснувшего в спину,
Принять за намек и устроить побег.

На призрачный праздник не пустят без зова,
Такая метель, что не сыщешь пути...
Ремнем позади экипажа чужого
Не выйдет ли санки тайком прикрутить?

О разуме нищем, о крови незвонкой
Забить незаметно за быстрой ездой,
В строфе предпоследней объехать сторонкой
Тот город, что к вечеру пахнет едой.

И весело ехать, и думать не надо
О том, как входить, говорить и глядеть...
«На коже не тают следы снегопада,» —
Понять и, помедлив, лицом побелеть.

1980

«Ну что ж, я не спору, все будет, как хочешь...»

И дивный слушатель стоит в дверях.

О. Седакова

Ну что ж, я не спору, все будет, как хочешь.
Оставим беседы, ведущие к ночи,
Раздвинем золу и камин разожжем
И сядем за низким шершавым столом.
И кофе горячий и горький, как стыд,
Из чашечек разных не будет отпит.
Но шторы опустим: не надо смотреть,
Как синие стекла начнут розоветь
И, нашим молчаньем довольный вполне,
Неназванный гость усмехнется в окне.

1980

«Я даже представить себе не могу...»

Я даже представить себе не могу:

Вот праздник изнанки, подкладки, манишки,
Горшков, черепков и кастрюльки без крышки,
И в белом фарфоровом тонком кругу
Тур вальса с фигурами.
Город – в снегу.

Надменны поклоны, свободен полет.
В цвет жемчуга платье, но фрак не в порядке,
А руки в перчатках, но жжет сквозь перчатки.
А город в снегу, и по крышам метет,
И каждая дверь в подземелье ведет.

Поклон, реверанс, приглашение к столу...
А город в снегу и во мраке бесшумен,
Как вспышка манжет на испанском костюме.
За каждой стеной, уходящей во мглу, —
Задушенный вскрик и пятно на полу,

Звук шага кошачьего, корни камней...
Но праздник положено кончить в короне,
Чтоб царская кровь обагрила ладони
И жертвенник.

Город – в снегу и во сне.
И это не может представиться мне.

1980

Галантные празднества

– Люблю бриллианты и бархат двора,
Зов рога протяжный и звонкий,
Но кружится чернь веселей у костра
И тянет винцо из бочонка.

– Услышу не мессы напев роковой,
Не звяканье шпаг о ступени,
А ругань и дудки придушенный вой,
Да хриплое пьяное пенье.

– Кто с песьим хвостом, кто с паучьим крестом,
Кто вовсе на шее гусиной;
В три пальца свистит и идет колесом
Орава дружков Либитины!

– Но что это? Иль не хватило вина?
Меня опоили туманом?
Да будь я хоть чистой водою пьяна,
Не спутаю князя с мужланом!

– Да, в этакий праздник все Замки пусты,
Какие тут маски толпятся?
О радость – напрыгаться до дурноты
И рожей прикрыться дурацкой!

1980

«Так-то полынью и воском пролитым пропахли страницы...»

Так-то полынью и воском пролитым пропахли страницы.
Так-то молитвенник весь переложен целебной травой.
Светом ли, словом ли светлым поранишься – да не родится
Ни дочерей мужебежных, ни милого сына-героя.

Так-то и ливень, шумящий сквозь яблоки красные, виден.
Так-то и спелое сердце сорвется на землю со стуком.
Да не вонзится в затылок стрела, да из горла не выйдет,
Да не оплачем пустых веретен с переломленным луком.

Так-то не тесно в пробитой груди лебединой упряжке,
Так-то под самой душой шевелится стрекало и жжется.
Да не учуют собаки рога, и колени, и ляжки, —
Хвоей, цветком, виноградом упавшая кровь да очнется.

1981

«А солнце садится за крыши, – и тело...»

А солнце садится за крыши, – и тело
Пока еще легкое, словно во сне;
Отмыла усталость его и отпела,
Из кожи пустой истекая вовне.

Но проклятый труд нелюбим и бесплоден,
Так что же тогда, в торжество облачась,
Так празднует дух во внезапной свободе,
И тело летит, и не может упасть?..

1981

При свече

И сердце утихло, и яду не просит.
И что же, что света мой взгляд не выносит —

Кому ж, как не мне, и глядеть на свечу!
И жребий не брошен, а я промолчу.

За доски, за раму, за пыль золотую,
За скрипку, за крепкую кость черепную

Отступите вы, не коснувшись друг друга.
И я ускользну из зачатого круга.

Как сладко мне воздух глотать в феврале.
И вечер на небе, и день на земле.

1981

«Ни плоти мраморной, прекрасной и безликой...»

Ни плоти мраморной, прекрасной и безликой,
Ни мысли, опытной в премудрости великой,
Ни ветхой совести, ни славы первородной,
Ни кровной гордости, ни кротости природной,
Ни даже имени. Пусть будет разом счищен
Груз мертвых раковин, отяготивших днище,
И сферу вызвездит, и картой путеводной
Двойные отблески качнутся в глуби водной,
И гимн на языке, перетерпевшем тьму,
Прорежет плеск волны о низкую корму.

1981

«... А иногда случается, что я...»

... А иногда случается, что я
О комнате грущу четырехгранной:
Как – воздухом в утробе труб органных —
В ней свет гудит, а за стеной стеклянной
Небыстрый мелкий падает снежок.
Лежит в корзинке разноцветный шелк,
И в полотне оставлена иголка:
Что ей к стежку прилаживать стежок,
Зеленый шелк не спутав с алым шелком?

*

Что видно сквозь отверстие в иголке,
Не мне судить; зато к чугунной полке
Прикован том, и надпись есть на нем:
«Упорствуя в алхимии бесовской,
Сей автор был сожжен святым огнем».
В пробирке с пробкой камень философский,
Но сквозь стекло к бумаге рвется пламя,
И хочет слово лечь между губами.

*

А на востоке поднятая медь
Уже звучит и рассыпает блики,
И можно молча слушать и смотреть,
И любит день сопутствовать музыке.
Что за судьба припала к фонарю —
Теперь она внутри, а я снаружи
И, погадав себе по словарю,
Учу наречья: «внове», «вьяве», «вчуже».

1981

«Знаю: ни края одежды, ни рук, ни ко лбу, ни губами...»

Знаю: ни края одежды, ни рук, ни ко лбу, ни губами, —
Слишком мне страшно опущенных глаз узнавань и сходство.
Не отрываясь — не вскрикнуть! — глядит изумленная память.
Ногти в ладонь — не вздохнуть! — и с дыханием стон не прорвется.

К выходу дальше, к стене, пусть меня заслоняют другие;
То наплывает, то взносится пенье, то светлые клики...
Тьма застилает лицо, а руки творят литургию
И возложением врачуют слепых, бессловесных, безликих...

И от порога взгляну в закопченный осколок сонета:
Все же последний из прежних даров — уходить улыбаясь.
Сердце свечой двязыкой дрожит от приятного света,
Но приближается мощная поступь: цветов не касаясь.

1981

«И пепел сыплется с горячих крыльев птиц...»

И пепел сыплется с горячих крыльев птиц,
И падает закат длинноволосой фугой —
Бегущий мертв уже: блажен простертый ниц,
Закрыв глаза в младенческом испуге.

Ладони вытянув и на лицо упав,
Засохшим ртом смолоть молитвенные зерна:
«О, научи меня долготерпению трав,
Молчанью стебля и упорству корня».

И жало легкое, раздумав уколоть,
Припомнит: сушь стоит и мед еще не собран...
Слабее колокол колотится о плоть,
И медленней колеблемые ребра,

И ты, о светлый мой, – запретнейшая часть
Лукавословию и несмирению взгляда, —
Не прикасаясь, встал у правого плеча
Привлечь к труду балованное чадо.

1981

«А если в ближней тьме нет никого за нами...»

А если в ближней тьме нет никого за нами,
А если нам стоять вторыми по Адаме —
Цепи вернувшихся начало и конец,
И ветошь легкая – все одеянье плоти,
Как будто в зеркалах, поставленных напротив,
Ряд блудных сыновей прижал к себе отец.

И на подсвечнике густеет воск пролитый,
На два ключа закрыт перебелённый свиток,
И маски по местам развешивает чтец.

1981

«Возлюбленный, прости, но есть и мне свобода...»

Возлюбленный, прости, но есть и мне свобода —
Ведь есть клочок земли, где воля мне дана
И времени глоток – кратчайший выдох года,
Один виток веретена.

Но кто же звал меня, кто говорил негромко:
«О девочка моя, не плачь и все пройдет»?
Ничто не убыло, и для того ребенка —
Смотри – шиповник мой цветет.

Звезд молоко течет в небесную корзинку —
На Полифемов сыр, и лестница скрипит...
И осень серп несет, как нимба половинку,
И вяжет тонкие снопы.

1981

«Мне кажется, что я их поняла...»

Мне кажется, что я их поняла —
Тех женщин в белом кружеве и в белых
Летящих шaliaх из тяжелой шерсти,
В старинных украшениях, с волосами,
Уложенными гладко, с именами
Певучими – Наташа, Анна, Марта,
С полужакрытой тайною ресниц...

Их тайна – дом, расстеленная скатерть,
Глаза детей – живых и нерожденных,
Внимательная роза очага,
И круг висячей лампы, точно нимб,
Над ними светит...

Теперь, душа, благодари, пойдем,
Бездомная, пойдем, еще бездомней
Ты сделаешься... Будет, наконец,
Ютиться нам за строчкой стихотворной —
Ведь не укрыться за одной стеной
От непогоды... Видишь – вечереет
И ветер выдувает из угла.

И так уже ты близко подошла,
Остановись, прильни лицом к ограде,
Проси себе теперь смиренной клади —
Глоток воды и воздуха глоток:
Так согревает каждый лепесток
Огонь произрастанья и дыханья.

И легкое вино воспоминанья.

1981

«Вот и август понятен по крупным последним цветам...»

О. Л.

Вот и август понятен по крупным последним цветам;
Я уже не сумею его называть каждый раз по-другому.
Снова птицам тянуться по темному небу, а нам —
Месяц благодарения и возвращения к дому.

Это длится, голубка, сужденное нам торжество —
Провожаний, и сборов, и встреч, неурядиц дорожных обряды —
И на птичьи стежки, ощутив за плечами родство,
Все смотреть и смотреть с ненасытной, невнятной досадой.

Ну, а там поплывет горько пахнувший лиственный дым —
Умщается город желаннейшим мне из его благовоний...
И, себе удивляясь безмерно, не мы ли летим —
Замирая, смеясь, неумело расставив ладони...

1981

«Пусть все это так. Но прозрачную руку...»

Пусть все это так. Но прозрачную руку
Кладут на лицо, обращенное к звуку,
На лоб, на глаза – опустевшее зренье,
И внешнее сходство теряет значение,
И связная речь различима с трудом.
А то, что свечой отдаленной казалось,
А то, что во мраке слоистом качалось,
Что смутным пятном на ветру расплывалось,
Вдруг стало огромным и темным, как дом.
И там, в темноте, суета затевалась,
По времени там беготня поднималась,
И хлопало что-то, звенело, смеялось,
И столько мгновений до света осталось —
Войти и на каменной лестнице гладкой
Застывшей рукой в безупречной перчатке
Расправить последние бальные складки...
Теперь тебя примут, все будет в порядке.

И все же помедли, молчи и припомни,
И, может быть, встреча в какой-то из комнат
Уже суждена, и тебя уже ждут
И лестницей длинной навстречу идут.

1981

Монолог Федры

Как-то, возлюбленный, слово-то скажется:
Ссыплется – слепится – снижется – свяжется —
Сляжется – сладится – слюбится – сженится —
Снежится – стешится – слово-то женское —
Так-то, возлюбленный, что-то мне бредится:
Будто – в лесу я, и будто – медведица,
Спуски – крутые, подъемы – высокие,
Будто за мною – Бестрепетноокая
Мчит – не впервой ей в медведицу метиться:
Знает Каллиста-медведица месть ее.
Федра ль избегнет Охотницы промысла?
Гонит – без устали, метит – без промаха,
Стройный мой, строгий мой, скрой меня, скрой меня!
Если б – на грудь – укрываясь от ястреба —
С неба – голубкой – упала бы я к тебе!
Но не голубка – сказала ж, – медведица!
Грудь – не укроет, надобно – сердце,
Чтоб, настигая, настигла – и тем же копьём —
Вдвоем.

1981

«...Времена...»

...Времена

Меняются, и мне теперь гнилая
Нужна, неземледельческая осень, —
Хочу дождя и музыки хочу!
Так пусть гремят серебряные трубы —
Пускай хоть дождь струится по лицу...
Пусть тянет ливень свой прозрачный невод
По городу... Я знаю, для чего
Я прихожу, и слушаю, и слышу,
И вижу – в темных, влажных одеяньях —
Как я хотела – из дождя и мрака,
И на висках, ресницах, на устах
Лежит усталость, как дорожный прах, —
Ты здесь – я вижу – и стихает страх,
Который гнал меня сквозь дождь ночной,
Как зверя гонит голод, как больной
В смертельном беге члены напрягает,
Как ястреб бьет, как свора настигает,
Прижав к следам горячую ноздрю...
Ты здесь, – и я всем зрением смотрю,
И кто-то говорит: «Благодарю
За каждый миг, за к а ж д ы й, – и за тот,
Когда проклятья переполняют рот,
Когда швырнут к казённым сапогам,
Когда растопчут – и когда предам,
Когда последний брат меня осудит
И отвернется...» Но довольно, будет,
Мертвеют руки от таких посулов!
Я это все изнанкой повернула
И прочитаю способом иным,
Связав слова, как просит их родство:
«Не плачь, дитя, не бойся: ничего
С тобою не случится, как с любимым,
Кто между «нет» и «нет» находит дверь
И ускользает в вечное т е п е р ь,
И видит незатменный свет во мраке».

А здесь – дождя серебряные знаки
Раздвинуты, и, не подняв лица,
Я знаю: мальчик флейту вынимает,
К губам подносит, песенку играет
И, улыбаясь, смотрит на отца.

Храни его и не оставь меня.

1981

Souvenir

О чашке разбитой, о горле больном,
О шарфе кусачем и, может, о том,
Как пахнет подтаявшим черным снежком, —
Налгали тебе. Но теперь не солжем,
Что не было нас, как не будет потом.
Мы все тебе снились во сне ледяном —
Как здесь, на Покровке, Волхонке, Солянке
Скребут по асфальту полозьями санки —
Лопатки и варежки держат в руках
Серьезные дети в пуховых платках,
И солнце играет в пустых куполах,
И галочий крик отдается в ушах.

Но если и ты на краю обернешься —
Мы все тебе снились. Теперь ты проснешься,
И штору отдернешь, и дню улыбнешься —
Вчерашние сны поминать ни к чему.
Так пусть, угасая, уходят во тьму
И купол лоскутный, и лес над рекой,
И дым, и граната зерно за щекой,
И та, что стояла у самой черты
Под мартовским ветром своей правоты.

1981

«Я знаю, что я не спрошу ни о чем...»

Я знаю, что я не спрошу ни о чем.
И все же моих молчаливых присутствий
Хотелось бы меньше. За нежным ледком
Обломков, обмолвок, уловов, предчувствий, —

Теперь я уже узнаю, как болят
Все ребра, и недра, и жабы творенья.
Я – только внимательный, пристальный взгляд,
Я – только одно бесконечное зренье,

Что входит, как жало кривого ножа,
Как режущий скальпель, как перст дерзновенный
В отверстую рану, – покровы разжав, —
И суть откликается болью мгновенной,

Но дождь стекленеет, и ночь холодна,
И свет как сквозь ветви ночные пробрызнут,
И воздух надорван, и пропасть черна,
И что-то больней отторгаемой жизни, —

Так больно, – обугленный взгляд, задымаясь,
Метнулся назад, как смотревший сквозь щёлку, —
Стыдясь, извиняясь, прикрыть торопясь
Улыбкой, уловкой, ледком и обмолвкой.

1981

«И вот раздвигают картонные створки...»

И вот раздвигают картонные створки,
И слышен шумок предстоящей настройки,
И скоро закружит смычков кутерьма,
И залом зеркальным,
Лепным и овальным,
И шорохом бальным приходит зима.

Пластроны и фраки,
Галантные враки
И гости-гуляки в каминной трубе...
Дня на три теперь, повинясь уставу,
Отпустят и нас по сатурнову праву,
Взяв слово чужой не мешать ворожбе.

И шумно, темно, тесновато и дымно,
И кто-то забытый глядит неотрывно,
Но нас настигает сквозь воздух беды
Сей взгляд – как сквозняк, задувающий свечи, —
Из тех, что ведут Иоаннов в Предтечи
И к старым халдеям летят со звезды.

1981

«Прости меня, мне трудно говорить...»

Прости меня, мне трудно говорить.
И голос стынет в воздухе, и губы
Не разлепить, не вымолвить: «Зима...»
«Беда, беда!» – прокаркали над нами
С железных крыш, из слуховых окошек:
Не город здесь – обледеный лес,
И длинные сосновые стволы
Промерзли и мертвы до сердцевины.
И черная поблескивает хвоя,
И скудный снег у комля отвердел.
Беда, беда – рукой не заслониться,
К ногам не пасть... Вот – царский поезд едет,
И темный взгляд из первого возка
На всех, не любопытствуя, опущен...
Туда, туда – за красным сапожком,
За снегом нескрипучим, за ступенькой,
За нищими, за ближними, за клиром, —
Скорей, скорей, – венчанье проглядишь!
И жаром обдаст нетерпеливым,
А в грудь толкнут – и голосить не смей...
Вот, вот – выходят! – Память, оглянись! —
Там, наверху, уже бледнеет небо
И молоко – парное, как зима —
Течет в подойник... Ты туда вернешься
И в глубине рассказа моего
Меня оставишь. Я же предпочту
Теперь не прерывать повествования;
Но ты сквозь шелуху претерпеванья
Отсюда мне яснее, чем была.

И день родится, и земля светла.

1981

Мистерия

I

И вот ты лежишь на холодном песке,
И тина и соль на твоём языке,
И в теле гудящем, стихая, живет
Биенье и гул громоздящихся вод.
Внимая немолчношумящий напев,
Нагнись над собою, в лицо поглядев,
И самую нежную, лживую связь
Влюбленной рукой отвести торопясь,
Над влажным от пены свинцовым песком
Встаешь ты и пробуешь воздух крылом.

1981

II

Когда плачевный плеск вдали затих
И я коснулся берега иного,
Тогда увидел... Но в словах земных
Так мало света! Не вмещает слово,
Что взор вместил на берегах иных.

1981

III

Блаженно зрение, вместившее Тебя:
Чистейшим зеркалом, влюбленным повтореньем
Преображенное, узнавшее себя,
Глядит с неопытным, счастливым удивленьем:
«Да, это я!» Лицо еще в слезах,
Но самый плач забыт, дитя уже смеется,
И видит свет, сияющий в глазах,
И бросит зеркало – но зеркало не бьется,
И в нем дитя ушедшее смеется.
Да, это я! Я знаю и люблю,
И мне теперь не страшно возвращенье,
И в темный круг без трепета вступлю:
Меня ведет сияющее зренье,
И меркнет свет меж призрачных теней,

Но в слабом зеркале влюбленности моей
Твоей любви смеется отраженье.

1981

«Не то, что здесь подумают; не только...»

Не то, что здесь подумают; не только.
Не только ложь и слабость, нет: душа —
Беглянка, нищенка, знакомка конокрадов —
В такую полночь, на таком подворье
Глядит на гостя дивного и с ним
Заговорить, спросить, откуда нас
Украли в детстве, и — еще важнее —
Промолвить — прорубь, промолчать — петля...
И бродит в нас наречие родное
И взламывает память: так река
Могучая и под глубоким льдом
До дна не промерзает и в себя
Неутоленным бьется вопрошаньем...
Но слов не вспомнить, звуков не связать.
Тогда — сглотни внезапную обиду,
То за одним, то за другим вбегай,
То самовар вноси, а то дрова
Подкладывай в огонь и притворись —
От беготни, от жаркого огня
Горит лицо...Смотри — еще покуда
Заря не занялась, еще в окно
Не стукнули, не кликнули в дорогу...

Еще огонь пылает в очаге.

1981

«Это – в комнате нарядной...»

Это – в комнате нарядной
Золотой стеклянный сор.
Вся зима – один нескладный,
Бестолковый разговор.

Словно – за полночь, за чаем,
За неубранным столом...
Впрочем, это я случайно,
Я ведь тоже не о том.

Я о том, что вся услада
Сердцу – помнить, что оно —
В дом из солнечного сада
Отворенное окно.

1981

«Душистый хмель февральского тепла...»

Душистый хмель февральского тепла
Вот-вот забродит, и до боли ясно,
Что мне зима отпущена была
Как некий срок – и, кажется, напрасно.

И с каждым часом убывает власть,
И в март чужой уже не будет входа...
И эта роль мне плохо удалась.
Начни меня с другого эпизода.

1982

Вторая тетрадь

«От жалобы не легче: на губах...»

От жалобы не легче: на губах
Она как ссадина, сочащаяся болью, —
Кровавым привкусом, горячей ржавой солью, —
Где ты, Ахиллов плач при черных кораблях?
 По капле, медленно тепренье прибывает,
 И память движется, и время приближает
 К тебе – как к берегу река выносит челн, —
 А весла сломаны, и парус рассечен,
 И сам пловец на дне лежит, скрестивши руки,
 И дума долгая о доме, о разлуке
 Сиделкой дремлющей склоняется к нему.
 И утро белое вступает на корму.

1982

«Так платит судьба аккуратную пеню...»

Так платит судьба аккуратную пеню
За это зиянье, за эту несвязь, —
И вот, уступая терпенью и зренью,
Садятся, заняв золтые ступени,
Завистник и витязь, сказитель и князь.

И купчая крепость, и подписи кровью
Под брачным контрактом и перечнем прав...
К лицу санбенито, роскошно раскроен,
Но трудно попасть с непривычки в рукав.

И, перстнем блеснув, долговую расписку
Сминает в перстах и бросает в костер.
И горе, сгорев, рассыпается в искры.
...приход: Откровенье, катрен, разговор.

1982

«Доколе ты жив, и тебя не оставит отчаянье...»

Доколе ты жив, и тебя не оставит отчаянье,
Хоть, впрочем, не нам и забота, и власть, и ответ, —
Я здесь. Вряд ли в помощь, — как тень за твоими плечами,
Как волк, терпеливо оленю идущий след в след.

Доколе ты жив, и мне двинуться с места не велено,
За волосы душу ловлю, — уплывает, как дым, —
Надумано, дымом надуту, ветвями навеяно,
Но плач твой немислимый горлом исходит моим.

1982

«В начале (прости – я не чаяла, что и начало...»

В начале (прости – я не чаяла, что и начало
Чревато тобой; что твоя сокровенная часть —
В лесу анаграмм; чтоб и эхо тобой отвечало —
Для неучей – ключ: Соломонова перстня печать,

Для чующих – притча; обученным чтить примечанья —
Кипенье купели, качанье смущаемых вод).
Три имени – счастье, печаль и отчаянье,
И каждое, рифмой тебя окликаая, течет.

И страждет различье, но в каждом – созвучие бедное —
Обрывок причины, осколок, клочок бытия.
Какая удача – мне нечего вынуть из невода,
Но в частых ячейках скучает твоя чешуя.

1982

Колыбельная

Сладко ли, милая, сон долгожданный лелеать?
Плач ли искусный, как жалоба птичья, протяжен?
Смол ароматных пролитые слезы светлее.
Плат погребальный, что парус, – и солон, и влажен.

Саван? Свивальник! Над нежной твоей колыбелью —
Плакальщиц ласковых, ласточек легкая стая.
Так nereиды над сестриным сыном скорбели.
Так наклонялась Фетида, младенца купая.

Слабость восславим! – блаженны не львы, но олени,
Жены блаженны – и жертвы; не праздно хвалима
Доблесть стрелы; нам же – страстная доблесть мишени,
Бег, обагрённый меж ребер судьбой уносимой —

Тише...сраженному – сон и усердная нега,
Плеском волны осязанья касаемся сладко.
...Алая лань возлежит после долгого бега.
Кровь, как смола, застывает под левой лопаткой.

1982

Палинодия

В заплатах и вечер, и дождик висячий.
Заплачу внезапно безумным, безудержным плачем, —

За плети дождя, облепившие Летний,
За плешь переулка – сплетение петель и сплетен, —

И гнев дерзновенными правит устами, —
Как жалоба в горле, клокочет вода под мостами, —

Не слушай меня: я всего лишь учусь славословью,
Папирусный список кладу к изголовью:

«Тебе подобает хваленье и всякая слава,
И сладостный дым криптограммы кудрявой,

И светлая строгость, и мысли слепой домоганье,
И тьма, и любви молчаливое знание».

1982

«Только утром гроза перестала...»

Только утром гроза перестала,
Цепью пес загремел на дворе...
Я письмо Пенелопе писала,
Словно старшей замужней сестре.

Он уехал и думал: вернется.
Я его проводила одна.
Долгим эхом шагов отдается
До сих пор крепостная стена.

И ведь знаешь, я вовсе не плачу,
Даже думаю редко о нем;
Так, – открою, прочту наудачу:
«Се вам пуст оставляется дом...»

1982

«Разлилась ледяная волна...»

Разлилась ледяная волна,
И душа долетела до самого дна,

И во тьме за клубилась на дне,
И забылась в глубоком болезненном сне,

И вовеки ей снится одно:
Холодея, она упадет на дно...

1982

СОН

(макароническая поэма)

Так – только совы в руинах рыданий:
Кто-то услышит, иные возьмется за камень.
Я же – невольница сих выкриканий:
Cave!³ Канем!

Save, входящий! Не пиром кончается сказка — казнью!

Save! Палач неискусен, и тягостна мука, —
Save! Закат, как вода, омывавшая руки,
Красен, —

не спросят, раскаялся ль,
Молча ли, в голос ли, в крик ли, — какая
Разница —
Деве и ведьме, шуту и монаху —
плаха.

В смертном поту прикипает к лопаткам рубаха.

Я же – последний глоток, подаяние праха.
Долго – доколе омочены нёбо и губы, —
Долго – орган водяной – пищеводные трубы —
Слушай, как срок истекает по капле:
Cave! Cave!

Если ж в потемках горячей и хлещущей соли
Слабо и гулко, но слышимо слово
– Absolvo!¹⁴

Тотчас восстань, разрешая не путы, но скрепы.
Ощупью тесной – попытка побега из склепа:
Прежде – поют позвонков винтовые ступени,
После – по петелькам жил, по спине плюшевидных растений,
После – НЕ вниз! и не ввысь – не имеет значенья
Слово, повитое проклятым страхом паденья —

(в воду, как в воду, откуда, власы заплетая
нежным движеньем, богиня встает з о л о т а я)

Здесь я оставлю тебя. Здесь слепое кончается зрение.

³ «Берегись!» (лат.)

⁴ «Отпускаю» (лат.)

Ночь переходит в рассвет; я к нему приближаться не вправе.
Ты же иди и бестрепетен будь. Покидаемый, ave!⁵
Ты ненадолго один: за тобою иной провожатый
Послан уже и летит в колеснице крылатой.

Мне же призывно трехгорлая лает собака.
Долгой отлучкой разгневать боюсь повелителя мрака.

1982

⁵ Зд. «прощай» (*лат.*).

«Как ветки ломают – дыхание рвется...»

Как ветки ломают – дыхание рвется,
Как ствол омертвелый недобро скрипит...
А здесь, в этом долгом, холодном сиротстве,
Одно расставанье болит и болит.

И мертвый глядится в живого – и та же
Упорная мысль проступает в глазах.
Приметы мои – в муравьиной поклаже
И в жале пчелином на мертвых губах.

И голос чужой отражается в слове,
Но зеркало зрит, а смотрящийся слеп...
И время за край забегаёт и ловит,
И боль землянику несет в подоле.

1982

«Туман заструился в осоке болотной...»

Туман заструился в осоке болотной,
И время как ставень, прикрытый неплотно,
И паж поднимает зеленый рукав,
И бродит рожок среди звонких дубрав.

И свита за сворой сквозь заросли скачет,
И сердце на привязи рвется и плачет,
Неласковый день зарастает травой,
И конь, повернувшись, потрянул головой.

Давай же замрем и попросим украдкой
Об осени светлой – о жалости краткой,
И в долгую зиму войдем, как в собор,
И будет нам слышен невидимый хор.

И юноша, станом подобный царю,
Сияя во мраке, идет к алтарю.

1982

«Что́, душа моя, ты в печали зряшной...»

Что́, душа моя, ты в печали зряшной
Над подругой поруганной хлопочешь?
Даже преданной быть – не слишком страшно.
Даже проданной – больно, да не очень.

И не надо ни скорби, ни укора,
Рукавом ли, крылом ли утереться...
И не больно, и выучится скоро,
И не больно, и можно притерпеться.

Только думать не хочется и верить:
Все, что вздумаешь, станет исполняться.
Лучше имя выпытывать у зверя.
Лучше слова от мертвых дожидаться.

1982

«...И в памяти (в беспамятстве: во мраке)...»

...И в памяти (в беспамятстве: во мраке)
Горит одна неконченная мысль,
И к ней слова, как бабочки, слетают
Про все: про опрокинутый светильник,
Про долгий путь до солнечного дома
И (Господи, прости мне) – и про то,
Чего приметы бледность, грусть и слезы...

1982

Разрыв

I

сегодня
увидю тебя и пройду мимо
после
уже никогда не увижу
потом пойму
что тебя уже нет с нами
разве я оставлю тебя?
у ног твоих сяду молча
терпеливей собаки
остроухой глиняной верность так верность

II

Я не знаю вас.
Я никогда не знал вас.
Он отвернулся.
а ты все еще тянешь руки
все еще лепечешь
здравствуй люблю что с тобой ничего не слышно

1982

Вигилия вторая

Во мраке – костры и нестройные крики:
Пируют и пряности в кубки кладут...
«А ты здесь зачем? » – Я зову Эвридику.
Пусть мне Эвридику мою отдадут.

– Найти Эвридику и дать провожатых!
Вы слышали, шваль?! – приказали в ночи.
И тотчас встает – шестиногий, косматый,
Но память мне руку сжимает: молчи!

«Ну, точно! Вон там, у реки, погляди-ка, —
В низине, – в крикливой толпе эврик —
Вон – в красной сорочке – твоя Эвридика:
Вкруг чучела скачет и в дудку дудит.

Она? Узнаешь? Подозвать, для порядку?»
И скажет она: «Мне не страшно в аду.
Я сплю. Я забыла земную повадку.
И рада, что здесь, и назад не пойду».

1983

«Я заблудился на краю земли...»

Я заблудился на краю земли,
И мой Вергилий вышел мне навстречу,
Позвал меня, – и мы так долго шли,
И медленно склонился долу вечер.

Мы молча шли, и думал я тогда,
Что это ты мне странствие судила,
И ледяная черная вода
У ног моих внезапно забурлила.

И я застыл, предчувствием томим,
И вещий холод пробежал по жилам,
И спутник мой растаял, точно дым,
И некий голос молвил мне уныло:

«Вступи и ты в незрячий хоровод,
Что, убегая боли неизбежной,
Кружит в холодном мороке болот,
Звуча по-птичьи – жалобно и нежно.

Еще ты плачешь – но в крупинки льда
Нас обращает вечности обычай.
И Беатриче не придет сюда,
Затем, что нет на свете Беатриче».

1983

Разговор

...И потом я еще спросила:
«Есть ли, будет ли мне на свете счастье?»
Долго молчал, а потом ответил:
«День один, до захода солнца,
А, быть может, и того не будет».

И тогда я еще спросила:
«Есть ли, будет ли мне на свете чудо?»
И в ответ светло улыбнулся,
«И сама ты, – сказал, – об этом знаешь».

1983

Ἐλωδή»⁶

Есть э т о время. Но узок срок.
Зелен и зол восток.
И э т а сила сквозит в стволах,
В первых коротких снах.

Ей снова сладкая снится власть —
Тревожить тебя и жить.
О, как, научи, мне тебя заковать,
Какие слова сложить?

Оно все ближе, и горячей,
Как — к пламени став лицом...
И Солнце в венце, и семь лучей
Над царским его венцом...

Круги светил, и биенье жил,
И знаки незримых сил —
Но слово ц а р ь и вздох ресниц
Неволят склониться ниц.

Справа и сверху струится свет,
Слева и снизу — тьма,
И воли не хочет своей сама
И смотрит душа, нема:

И поступь легка, и долу взор,
Тёмен и прост убор.
Уста нежны, и на них запрет,
И молний не виден след.

1983

⁶ Заклинание, чара (*греч.*).

«Я лучше чужим, осторожным...»

Я лучше чужим, осторожным,
Не впрямь, а удастся – смолчу:
Великая в слове неложном
Есть власть, и не всем по плечу.

И страшен, и труден в науке
Сей светлый бессмертный словарь:
Пять лет – и три слова: р а з л у к а,
С у д ь б а, и последнее – ц а р ь.

1983

«Не знаю, не ведаю, что́ сказать...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.